

Когда рассеялся туман

«Сентябрь в Ширазе» («Septembers of Shiraz»)

Режиссер Уэйн Блэр

В ролях: Эдриан Броуди, Сальма Хайек

США, 2015, 109 мин.

В начале фильма веселая, красивая семья собралась на лужайке перед внушительным особняком. Ну-ка, все пошире улыбнулись. Снимок на память... щелк! Завтра юноша в центре снимка улетит в Америку, он будет учиться в привилегированной boarding school, школе-интернате, подучит английский, получит представление о западной жизни. А родные и близкие остаются в Иране. Юношу звать Парвиз, его маму Фарнез, сестричку — Ширин, фамилия семьи — Амин. Если бы все собравшиеся, после того как из фотокамеры вылетела птичка, не крикнули хором «Лехаим», мы бы не поняли, что они евреи. Да они и сами об этом не слишком задумываются, такие они ассимилированные.

Вышеописанный эпизод происходит, видимо, летом 1978 года. С августа по декабрь страну будут сотрясать демонстрации и забастовки. В январе шах сбежит на Запад. В апреле к власти придет Аятолла Хомейни, и Иран будет провозглашен Исламской республикой. Вот тогда Исааку Амину и его семье, как и другим иранским евреям, придется вспомнить о своей национальности. Почему Амины не эмигрировали, ведь у них было достаточно времени и денег, чтобы вовремя это сделать? А почему вовремя не эмигрировали немецкие или австрийские евреи? Одна из причин состояла именно в их ассимилированности: им не хотелось покидать землю, которую они считали родной. Но вдруг она оказалась чужой.

В 1979-м Исааку Амину и его семье, как и другим иранским евреям, пришлось вспомнить о своей национальности

Это очень тяжелый фильм. Исаака хватают посреди улицы, увозят с мешком на голове в страшную секретную тюрьму, пытаются, ставят к стенке, симулируя расстрел. Чего от него хотят? В чем он должен признаться? А в чем должны были признаться узники Лубянки? Исаак «политикой не интересовался», он интересовался исключительно своей ювелирной фирмой и семьей. Но теперь,

когда жизнь перевернулась с ног на голову, он виноват уже в том, что еврей и богат. Мир хижинам, война дворцам! Ну и, кроме того, у Аминов были родственники в Израиле, он к ним ездил. Зачем ездил, имел ли при этом контакты с Моссадом? Если не имел, тем хуже для тебя, потому что мы будем истязать тебя до тех пор, пока не вспомнишь, что имел.

Тем временем в особняк Аминов вламываются швондеры из Национальной гвардии: картины со стен и одежду из шкафов они бросают в емкие контейнеры, но кольцо и браслет с руки Фарнез главный швондер сует непосредственно себе в карман.

В общем, все это ужасно, и все это знакомо всякому, кому выпало жить в тоталитарном государстве, особенно в период его бурного становления. Кстати, то, что называется странным словом «репрессии» (ре-прессия — это давление в ответ на чье-то давление, но какое давление оказывала на сталинский режим несчастная Софья Петровна из повести Чуковской или семья Исаака Амина — на режим Хомейни?), так вот, эти репрессии обрушиваются на Аминов не столько потому, что они евреи — такого акцента в фильме совсем нет, сколько потому, что, будучи евреями, они люди богатые и светские и тем самым автоматически попадают в категорию безусловных врагов.

Да, все это достаточно знакомо. Я хотел бы выделить лишь одну из тем фильма, больше всего меня задевшую, а именно: что открывается глазам человека, который жил и жил себе в богатстве и благополучии — доставшихся ему, впрочем, благодаря напряженному труду, но все равно в результате он жил лучше большинства «населения», — что открывается его глазам, когда «рассеивается лирический туман» и он вдруг становится *врагом народа*? А открывается ему то, что народ-то, оказывается, всегда его ненавидел. Или, может быть, не весь народ ненавидел, а так: одни ненавидели исходно и органически, другие возненавидели теперь, когда им разъяснили, кого и почему следует ненавидеть. Впрочем, до этой второй категории тоже вдруг доходит, что они всегда ненавидели евреев и всяких прочих буржуев, да только раньше не осознавали этого.

Что открывается глазам человека, когда «рассеивается лирический туман» и он вдруг становится врагом народа?

Служанка Аминов, немолодая женщина Хабидех, которую, вместе с ее маленьким сыном Мартезой, Исаак фактически подобрал с улицы, теперь заявляет Фарнез: «Почему некоторым достаются все почести, а другие должны чистить туалеты?». Нет, эта страшноватая Хабидех не уходит от Аминов, но она становится чем-то вроде домашней эсесовки, надзирающей над хозяйкой, чтобы та не курила, не пила с горя коньяк и вообще не слишком горевала по Исааку, потому что даром никого не сажают: не виноват, так отпустят, виноват — так накажут, в любом случае хныкать нечего. Вот сама она, Хабидех, не хныкала, когда Фарнез столько лет унижала ее и обращалась с ней, как со скотиной. И какой же она, Хабидех, была душой, что не обращала на это внимания. Слава богу, иные нынче времена, пусть Фарнез только попробует ее унижить! А сын Хабидех, уже вполне взрослый Мартеза, который работал у Исаака, теперь принимает активное участие в

разграблении имущества его фирмы, считая это никаким не разграблением, а компенсацией за нещадную эксплуатацию, которой подвергал его упырь-хозяин.

Ницше назвал такую мстительную злобу бывших угнетенных к бывшим угнетателям словом *ресентимент*, и фильм хорош хотя бы тем, что очень ярко демонстрирует этот феномен.

Тут надо добавить, что Исаак в тюрьме начинает сам осознавать несправедность былой своей сытой жизни и даже почитывает Коран, услужливо подсунутый тюремщиками. Правда, фильм недостаточно внятен и последователен, чтобы мы могли понять, движет ли им подлинное покаяние в духе Толстого, Блока и Ходорковского или же это чистый Стокгольмский синдром.

Могу успокоить читателя: в конце концов Аминам удастся бежать из Ирана, что происходит благодаря джигитской водительской сноровке Исаака, позволившей ему оторваться от преследователей на мотоциклах. Эта крутая погоня под занавес выглядит несерьезно и основательно подрывает

зрительское доверие ко всему предыдущему.

Фильм поставлен по автобиографическому роману Далии Софер «Сентябри в Ширазе». Автор, вместе со своими еврейскими родителями, эмигрировала в США из Ирана, когда ей было 11 лет. Роман имел заметный успех — в отличие от фильма, который почти единодушно был признан американскими критиками неудачным. Признаться, мне непонятно такое единодушие: по моему, эта картина лучше и серьезнее многих, от которых американские критики в единодушном восторге.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»